

УДК 172.4;32.019.5

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Кафтан Виктор Витальевич,

соискатель кафедры философии и религиоведения, Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

kaftanvit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена гуманитарному измерению современной информационной войны. Автор выявляет зависимость успешности ведения боевых действий и достижения победы от уровня развития морально-психологического состояния военнослужащих. На основе анализа системы формирования гуманитарного потенциала отечественных Вооруженных Сил сделан вывод о том, что в современных условиях требуется усилить ее наступательный характер. Отмечается необходимость усиления внимания к творческому совершенствованию содержательных компонентов гуманитарного фактора информационной войны, к числу которых относятся коммуникативные практики, архетипы, дискурсы, духовные образы, символические коды и значимые смыслы.

Ключевые слова: гуманитарный фактор; моральный дух; информационная война; морально-психологическое обеспечение; военно-информационная безопасность.

THE HUMANITARIAN FACTOR OF MODERN INFORMATION WARFARE

Kaftan V.V.,

Aspirant of the Department of Philosophy and Religious,
Military University of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow, Russia

kaftanvit@mail.ru

Abstract. The article is about a modern humanitarian dimension of information war. It reveals a high dependence of successful military operations and victory itself on the level of moral psychological development of soldier. Analysis of system of training of domestic military forces' humanitarian potential substantiates the necessity to strengthen the character of this system. The article also stresses the necessity to redouble attention to elements of the humanitarian factor of information war, such as communicative practices, archetypes, symbolic codes and inner images.

Keywords: humanitarian factor; morale; information warfare; moral and psychological support; military and information security.

В истории войн гуманитарный фактор всегда имел решающее значение для успеха военной кампании. Именно от качества «человеческого материала», крепости воинского духа армии, ее морального состояния зависит не только характер боевых действий, но в конечном итоге и сам исход войны.

14 сентября 1799 г. в ходе Швейцарского похода русские войска под командованием А.В. Суворова с боем прошли по Чертову мосту, который представлял собой узкую каменную арку 25 м длиной, переброшенную над ущельем

на высоте 23 м над бурной горной рекой Рейс к северу от альпийского перевала Сен-Готтард. Французские войска под командованием Ж. Лекурба считали данный рубеж непреодолимым. Перед боем Суворов собрал всех своих 60 солдат-ветеранов, выигравших с ним все сражения, и обратился к ним за советом, следует ли идти войскам на верную смерть или предпочесть сдачу французам. Ветераны заявили, что пойдут за обожаемым командиром не только на Чертов мост, но и к самому черту в пасть. «Войска Вашего Императорского Величест-

ва, — писал Суворов в своей реляции Павлу I, — прошли через темную горную пещеру, заняли мост... Оный разрушен неприятелем. Но сие не останавливает победителей, доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершины в бездны и, достигая врага, поражают его всюду... Утопая в скользкой грязи, должно было подыматься против водопада, низвергавшегося с ревом и низрывающего с яростью страшные камни и снежные и земляные глыбы, на которых много людей с лошадьми летели в преисподние пучины...» [1].

В.И. Ленин, анализируя опыт противодействия Красной Армии интервентам, отмечал: «...во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести» [2].

Военный теоретик русского зарубежья Н.Н. Головин считал причиной быстрого и сокрушительного поражения французов в 1940 г. тот факт, что за время, прошедшее после Первой мировой войны, появилось поколение французов, воспитанное на пацифистских ценностях книг А. Барбюса, Э. Ремарка, благодаря которым французы оказались неспособны противостоять немецкому блицкригу ни физически, ни духовно. По мнению Головина, «они использовали наследство подобных же писателей вчерашнего дня и использовали старое обывательское представление о бое. Они ничего не изменили; придерживаясь этих старых традиций, они описали штыковые свалки, превратив прежние героические картины боев в звериные бойни... Это самая возмутительная клевета на тех честных людей, которыми были и французские, и германские солдаты. Вот каковы прекрасные творения пацифистов! Вот та истина, которую они нам преподносят! Конечно, они ее не почерпнули из личного боевого опыта. Писатели, подыгрывающие под вкусы публики, знающие то вредное любопытство, которое вызывает убийство, окровавленный нож, изуродованный труп, использовали с большим мастерством эти патологические чувства и веками преподносили мало рассуждающей толпе старые песни, подновляя их лишь мотивами, соответствующими модам текущего дня» [3].

Маршал Победы Г.К. Жуков писал о роли гуманитарного фактора по окончании Великой Отечественной войны: «Никто не может провести четкую грань между ролью собственно оружия, военной техники и значением морального духа войск. Однако бесспорно, что при прочих равных условиях крупнейшие битвы и целые войны выигрывают те войска, которые отличаются непреодолимой волей к победе, осознанностью цели, стойкостью духа и преданностью знамени, под которым они идут в бой» [4].

Военный теоретик Русского зарубежья Е.Э. Меснер едва ли не первым среди ученых поставил вопрос об особом духовном измерении войны. По его мнению, в XX в. театр военных действий из двухмерного (длина и ширина) превратился в трехмерное (длина, ширина, высота и глубина) пространство. Наибольшее изменение характера войны произошло вместе с ее распространением в четвертое измерение — духовную область вражеской армии, ее народа, которые стали важнейшими стратегическими объектами. Мобилизация духа собственного народа и расщепление (разложение) национального духа противника в политических целях стали смыслом борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения. По его мнению, «в нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства» [5].

Большое внимание к человеческому фактору уделяли и западные военные мыслители.

Американский журналист О.Д. Толишус, давая характеристику духовной стойкости разных народов в разворачивающейся Второй мировой войне, писал: «Ключ к стойкости русских — сама русская душа, примитивная и яростная, мрачно задумчивая и чувствительная, обремененная глубоким чувством вины. Все это не только превращает русского в пассивного фаталиста, но также приучает его к страданиям и смерти, заставляя крепко держаться за две вещи, кажущиеся четкими и вечными, — религию и священную родную землю... огромные массы людей и техники, которыми располагает русская армия, неважно проявляют себя в наступлении, но, обороняя родную землю, русские солдаты стоят насмерть. И это самоотверженное стремление защитить родину не сковано идеологическими рамками: даже белоэмигранты сегодня молятся, чтобы Бог даровал Сталину победу над агрессорами... Если немцы прекращают со-

противление, когда рушится их организационная система, то русские продолжают борьбу — везде, независимо от того, пала Москва или нет. В 1812 г. они уничтожили армию Наполеона, в 1918–1919 гг. дали отпор экспедиционному корпусу союзников; теперь пришла очередь немцев» [6].

Английский психолог Н. Коупленд, в своей книге «Психология и солдат», посвященной анализу психологического обеспечения армии во Второй мировой войне, утверждал: «Моральное состояние представляет секрет лишь постольку, поскольку оно невидимо и неосязуемо. Это самое могущественное оружие, известное человеку; более могущественное, чем самый тяжелый танк, чем самое мощное артиллерийское орудие, чем самая разрушительная бомба. Высокое моральное состояние войск — это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения. Поражение — это заключение ума» [7].

Генерал Ш. де Голь отмечал: «Силу оружия невозможно представить без особого духа, который бы организовывал и оживлял ее. Именно этот дух, выделяя солдат из общей массы, содействует их престижу. Массы испытывают по отношению к ним уважение, порождающее огромную моральную силу. Во время войны военный дух дает моральный капитал, с которым мы прекрасно чувствуем себя... Без сомнения, ум помогает на войне, без сомнения, инстинкт полезен, но в конечном счете решение относится к разряду моральных ценностей» [8].

Рассмотрим некоторые особенности формирования гуманитарной составляющей в условиях ведения боевых действий.

В русской армии издавна существовала система воспитания воинского духа. Генерал-майор П.И. Измestьев, участник русско-японской войны, писал по этому поводу: «Армия должна быть проникнута жизненной энергией и дееспособностью, что составляет воинский дух... Воинский дух состоит из слияния интеллектуальных и моральных стремлений, проявляясь в самостоятельных действиях, в инициативе» [9].

В Советской Армии и Военно-Морском флоте для решения задач повышения политико-морального состояния личного состава применялся специальный вид военно-гуманитарной деятельности — *партийно-политическая работа* (ППР). Значение ППР в условиях масштабного идеологического противоборства политических систем было крайне велико. По словам В.И. Ленина:

«...где наиболее заботливо проводится политработа в войсках... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед» [10].

В российской армии *морально-психологическое обеспечение* (МПО) пришло на смену ППР. Оно было введено директивой министра обороны РФ от 23 декабря 1992 г. в ходе департизации и деполитизации армии и было призвано охватить большую часть нематериальной сферы подготовки к ведению войны, боевых операций, применению Вооруженных сил РФ в различных конфликтах и миротворческих операциях.

МПО — это вид обеспечения боевых действий. Он включает в себя комплекс мероприятий, согласованных по целям и задачам, последовательности, привлекаемым силам и средствам, осуществляемых командирами, штабами и службами, воспитательными органами для достижения морально-психологического состояния личного состава, обеспечивающего безусловное выполнение боевых задач в любых условиях обстановки, а также в целях максимального снижения боевых психологических потерь.

Среди различных компонентов МПО наибольшее значение для информационной войны имеют информационно-воспитательная работа и защита войск от информационно-психологического воздействия противника.

Информационно-воспитательная работа предназначена для информирования личного состава о военно-политической обстановке, решениях органов власти, действиях своих войск и войск противника в интересах формирования устойчивого и управляемого морально-психологического состояния.

Защита войск от информационно-психологического воздействия противника ставит своей целью нейтрализацию информационно-психологического воздействия противника, недопущение деморализации, морально-психологического подавления личного состава [11].

Кроме того, пропагандистской и контрпропагандистской работой в интересах МПО призваны заниматься органы специальной пропаганды. В качестве примера их деятельности приведем листовку «Румыны венгерской армии», распространяемую советскими спецпропагандистами в 1942 г. среди военнослужащих венгерской армии румынского происхождения. «Мы — два трансильванских румына попали в плен к русским. Мы задали себе вопрос: “Что плохого нам сделали рус-

ские?”. И ответили: “Ничего”. Это Гитлер и Антонеску сделали нам плохо, отдав Северную Трансильванию в руки венгров. В лагере с нами обращаются хорошо. Уж лучше воевать против венгров, чем против русских. Сдавайтесь в плен и вернетесь живыми к своим семьям!» [12].

Следует признать, что в рамках морально-психологического обеспечения боевых действий недостаточно учитываются кардинальные изменения, произошедшие в последние годы в информационном пространстве общества, которое все более приобретает свойства коммуницируемости, распыленности, децентрированности, интерактивности. Это, с одной стороны, открывает все новые информационные возможности для человека, но, с другой, создает все более изощренные механизмы информационно-деструктивного воздействия, ориентированные не только на армию в целом, но и на каждого солдата, представителя мирного населения — в частности.

По словам П. Верильо, ныне «главнейшим орудием войны является не более или менее изощренная стратагема, а устранение видимости фактов, верное следование максиме Киплинга: „Первой жертвой войны оказывается правда”. Нужна не разработка новых маневров, не поиск оригинальной тактики, но стратегическое сокрытие информации при помощи дезинформации, являющейся не столько уловкой, не столько заведомой ложью, сколько пренебрежением самим принципом истины... В этой-то области и разыгрывается ныне „стратегия устрашения” — стратегия муляжей, электронных и всевозможных других контрмер. Правда уже не замаскирована, но упразднена: реальное изображение, изображение реального пространства объекта, видимого орудия, уступило место телеизображению „в прямом эфире” — или, выражаясь точнее, в реальном времени» [13].

Таким образом, важность гуманитарного измерения современной информационной войны неуклонно возрастает. Мировые войны, разрушение среды обитания человека, неконтролируемый рост оружия массового уничтожения, сохранение риска глобального вооруженного конфликта привели к тому, что французский философ-структуралист К. Леви-Строс в предисловии к книге этнографа К. Берндт заявил: «XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет вовсе» [14].

К сожалению, возможности гуманитарного знания используются сегодня не столько для предотвращения войн, сколько для разработки все новых деструктивных информационно-коммуникативных методов воздействия на человека. По сути, это означает реализацию на практике принципа, выдвинутого Дмитрием Карамазовым из произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Что же представляет собой гуманитарный фактор современной информационной войны?

Под *гуманитарным фактором современной информационной войны* следует понимать совокупность взаимосвязанных коммуникативных практик, архетипов, дискурсов, духовных образов, символических кодов и значимых смыслов, которые являются движущей силой, оказывающей существенное воздействие на характер ведения боевых действий и во многом определяющей стратегическое превосходство над противником.

Основываясь на анализе деятельности американского истеблишмента в области обеспечения военно-информационной безопасности (создание Исполнительного совета информационной войны — *IW Executive Board* при Министерстве обороны в 1995 г. для организации содействия в «разработке и реализации национальных целей информационной войны»; принятие Национальной военной стратегии США в 2011 г., где данным проблемам уделяется значительное место), необходимо сделать вывод о том, что интересы российского военно-политического руководства распространяются в основном на информационную защиту войск и населения от информационного воздействия противника, которое, несмотря на свою значимость, все же может быть оценено сегодня как вспомогательный вид обеспечения боевых действий (часть морально-психологического обеспечения). Но в то же время военно-политическое руководство недостаточно внимания уделяет развитию и укреплению гуманитарного потенциала в условиях информационной войны для организации активного противоборства в сфере военной безопасности государства.

Представляется, что наиболее важным направлением подготовки российского общества, государства и Вооруженных сил РФ к будущим войнам является активное привлечение *символических аналитиков* (специалистов в области

PR, медиаактивистов, колумнистов, блоггеров) в специально созданные информационно-коммуникативные структуры и предоставление им возможностей реализации своего творческо-когнитивного потенциала. Это является насущной необходимостью для российской армии, информационные подразделения которой в

настоящее время представляют собой в основном значительно устаревшую информационно-коммуникативную модель информирования и пресс-службы, чего крайне недостаточно при ярко выраженной гуманитарной специфике современных информационных войн, имеющих наступательный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суворов А.В. Документы (1799–1800): В 4 т. М., 1953. Т. 4. С. 57–58.
2. Ленин В.И. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе 13 мая 1920 г. // Полн. собр. соч.: 55 т. М., 1981. Т. 41. С. 121.
3. Головин Н.Н. Наука о войне. Избранные сочинения. М., 2008. С. 54–56.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969. С. 313–314.
5. Месснер Е.Э. Лик современной войны / Военная мысль в изгнании. М., 1999. С. 373–377.
6. Толишус О.Д. Роль морального духа на войне // *The New York Times*. 1941. 9 нояб.
7. Коупленд Н. Психология и солдат. М.: Воениздат, 1991. С. 10.
8. Голль Ш. де. На острие шпаги. М., 2006. С. 115–116.
9. Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. М.: Русский путь, 2000. С. 50.
10. Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! // Полн. собр. соч.: 55 т. М., 1970. Т. 39. С. 56.
11. Арзамаскин Ю.Н., Бублик Л.А. Морально-психологическое обеспечение в Вооруженных Сил России. М.: ВУ, 2002.
12. Репко С.И. Война и пропаганда (XV–XX вв.). М.: Новости, 1999. Кн. 1. С. 223.
13. Верильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. С. 119–120.
14. Berndt C.H. Women's changing ceremonies in Northern Australia. Paris, 1950. P. 6.

REFERENCES

1. Suvorov A.V. Documents [Dokumenty (1799–1800): V 4 t.] Moscow, 1953, vol. 4, pp. 57–58 (in Russian).
2. Lenin V.I. The speech at a broad working and Red Army conference in Rogozhsko-Simonovsky district on May 13, 1920 g. [Rech' na shirokoj raboche-krasnoarmejskoj konferencii v Rogozhsko-Simonovskom rajone 13 maja 1920 g.] // Poln. sobr. soch.: 55 vol. Moscow, 1981, vol. 41, pp. 121 (in Russian).
3. Golovin N.N. Science about war. Chosen compositions [Nauka o vojne. Izbrannye sochinenija]. Moscow, 2008, pp. 54–56 (in Russian).
4. Zhukov G.K. Memoirs and reflections [Vospominaniya i razmyshleniya]. Moscow, APN, 1969, pp. 313–314 (in Russian).
5. Messner E. Je. A face of modern war [Lik sovremennoj vojny]. *Voennaja mysl' v izgnanii — The Military thought in exile*. Moscow, 1999, pp. 373–377 (in Russian).
6. Tolishus O.D. Role of moral spirit in the war [Rol' moral'nogo duha na vojne] // *The New York Times*, 1941, 9 nojab. (in Russian).
7. Kouplend N. Psychology and soldier [Psihologija i soldat]. Moscow, Voenizdat, 1991, p. 10 (in Russian).
8. Goll' Sh. de. On a sword edge [Na ostrie shpagi]. Moscow, 2006, pp. 115–116 (in Russian).
9. Strategy of spirit: Bases of education of troops on A.V. Suvorov and M.I. Dragomirov's views [Strategija duha: Osnovy vospitaniya vojsk po vzgljadam A.V. Suvorova i M.I. Dragomirova]. Moscow, Russkij put', 2000, p. 50 (in Russian).
10. Lenin V.I. In total on fight against Denikin! [Vse na bor'bu s Denikinym!] // Poln. sobr. soch.: 55 vol. Moscow, 1970, vol. 39, p. 56 (in Russian).
11. Arzamaskin Ju.N., Bublik L.A. Moral and psychological providing in Armed Forces of Russia [Moral'no-psihologicheskoe obespechenie v Vooruzhennyh Sil Rossii]. Moscow, VU, 2002 (in Russian).
12. Repko S.I. War and promotion [Vojna i propaganda (XV–XX vv.)]. Moscow, Novosti, 1999, book 1, pp. 223 (in Russian).
13. Veril'o P. Car of sight [Mashina zrenija]. St. Petersburg, Nauka, 2004, pp. 119–120.
14. Berndt C.H. Women's changing ceremonies in Northern Australia. Paris, 1950, p. 6.